

А. В. Скоробогатов¹**МНЕМОНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КОНСТРУИРОВАНИЯ
КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ**

Современное российское общество развивается в условиях активного противостояния евро-атлантической цивилизации не только онтологически, но и аксиологически. В этих условиях особое значение приобретает консолидация социума, его коллективная идентификация. Особое значение в конструировании коллективной идентичности приобретает история формирования социума, к которому себя относит человек. Именно история создания и переломные моменты, связанные с жизнедеятельностью сообщества, обуславливают важность его функционирования, легитимируя тем самым его существование и обеспечивая взаимодействие с иными социумами.

Однако речь идет не только и не столько о научном историческом знании, сколько о представлениях о прошлом, сформировавшихся в коллективной памяти. Опираясь на идеи Я. Ассмана², мы определяем историческую память как детерминированную социокультурными факторами ментальную реконструкцию или деконструкцию (реинтерпретацию) исторического прошлого, которая существует не только на индивидуальном, но и на коллективном уровне. В последнем случае можно говорить о формировании коммуникативными средствами «мемориальной культуры»³.

Текстовым пространством памяти, по нашему мнению, выступает мнемонический дискурс. Текст при этом понимается не в лингвистическом, а в семиотико-культурологическом смысле как нелинейная последовательность символов (вербальных, литеральных, искусственных), образующих целостное высказывание об эксплицируемом объекте⁴. Мнемонический дискурс можно разделить на два типа: официальный дискурс памяти, эксплицированный в официальной политике памяти и мемориальном законодательстве; социальный дискурс памяти, эксплицированный в коммеморативных практиках социальных групп.

¹ Профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязева, доктор исторических наук. Автор 438 научных публикаций, в т. ч.: «Правовая реальность России: философско-правовой анализ» (в соавт.), «Нормативно-правовое обеспечение образования» (в соавт.), «Современные концепции правопонимания» (в соавт.), «Проблемы теории государства и права» (в соавт.); статей: «Правовая традиция как социокультурное средство повышения эффективности законодательства», «Ценностная детерминация юридического дискурса», «Правовой миф как средство социальной идентификации», «Социальная память как средство конструирования идентичности личности: философско-правовой анализ» и др. Член Общероссийской общественной организации «Ассоциация историков права».

² См.: Assmann J., Hölscher T. Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität // Kultur und Gedächtnis. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1988. S. 9–19.

³ Ассман Я. Европейская мечта. Переизобретение нации / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое лит. обозрение, 2022. С. 57–62, 129–150.

⁴ Борзова Т. В., Сандакова Е. Н. Текст в семиотическом аспекте культуры как основа понимания методологических контекстов // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 1 (105). С. 64–68.

Конструируемую при этом в масштабах государства идентичность можно определить как конституционную, призванную обозначить принадлежность человека к определенному социуму как аксиологически, так и онтологически. На основе анализа нормативных и ценностных аспектов современного российского конституционализма нами была сформулирована следующая дефиниция: «Конституционная идентичность представляет собой аксиологическую интернализацию Конституции индивидом и государственно организованным обществом (политической (гражданской) нацией) и воспроизводство в правовом поведении граждан положений законодательства с целью конструирования правовой реальности, образ которой сформирован в конституционном тексте»⁵.

Активную роль в конструировании памяти и формировании конституционной идентичности играет государство, выступающее в роли адресанта правовой коммуникации, артикулирующего интенцию интерпретации прошлого и конструирующего фреймы памяти. С одной стороны, сконструированные в мемориальном законодательстве фреймы памяти являются ценностными маркерами поведения индивида, эксплицируя его рефлексию исторического прошлого в процессе интериоризации, и определяют содержание коммеморативных практик, получивших признание, одобрение и поддержку государства. С другой стороны, фреймы памяти благодаря формализации в законодательстве приобретают характер локусов, специфических аксиологических констант, детерминирующих интенциональность интерпретации и репрезентации исторического прошлого не только в официальной политике памяти, но и в мнемоническом дискурсе в целом. При этом необходимо учитывать, что фреймы памяти, выступая в качестве локусов, воздействуют на сознание индивида как социально, так и индивидуально⁶. Формируемое при этом мемориальное законодательство выступает специфичным медиальным средством как «след прошлого»⁷. Будучи именно «следом прошлого», мемориальное законодательство эксплицирует события, факты и имена прошлого, придавая им литеральный (овеществленный, материальный) характер в настоящем.

В условиях перехода к обществу постмодерна идентичность все больше приобретает коммуникативный характер. Индивид, воспринимая себя как часть социума (в глобальном или локальном смысле), уча-

⁵ Скоробогатов А. В. Ценностные основания российской конституционной идентичности // Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина. М.: Проспект, 2023. С. 38.

⁶ См.: Cornoldi C., Beni R. de. Memory for discourse: Loci mnemonics and the oral presentation effect // Applied Cognitive Psychology, 1991. Vol. 5 (6). P. 511–518.

⁷ Концепция памяти как «следа прошлого» была сформулирована немецким культурологом А. Буллером (см.: Buller A. Theorie und Geschichte des Spurbegriffes. Entschlüsselung eines rätselhaften Phänomens. Marburg: Tectum Verlag, 2016).

ствуется в социальной, в том числе правовой, коммуникации. В процессе коммуникации с другими членами группы индивид увеличивает объем собственного опыта за счет воспоминаний других, в результате чего образуется определенный набор мемориальных ценностей, норм и практик¹. Личные качества индивида, его экзистенция при этом подчинены социальным целям.

Субъект, разделяя правовые ценности социума и воспроизводя их в своих поведенческих актах, не только подтверждает свою адаптацию в данном сообществе, но и способствует воспроизводству данного сообщества, его эффективному функционированию. Осуществляемая при этом социальная адаптация человека имеет дуальный характер². С одной стороны, социум воспринимает индивида в качестве своего члена лишь при условии его участия в жизни сообщества не только номинально, но и практически. С другой стороны, индивид, входя в социум и воспроизводя его своими действиями, ожидает от него определенных преференций.

Конструирование мнемонического дискурса является амбивалентно интенциональным процессом. В процессе горизонтальной коммуникации субъекты достигают конвенционального результата по поводу тех имен, дат и событий прошлого, которые имеют наибольшее значение для конституционной идентичности современного общества, позволяют ему поступательно развиваться и эффективно функционировать. Вертикальная же коммуникация позволяет государству в лице политической элиты (референтных групп) как адресанту создать нормативными средствами фреймы памяти как «следы прошлого», выбирая те имена, даты и события, которые ценностно эксплицируют социальные представления о прошлом и являются необходимым медиальным средством трансляции исторической правды неопитам-адресатам, в качестве которых выступают как лица, принимающие российское гражданство, так и представители подрастающего поколения. Если в первом случае правовая коммуникация будет носить синхронный характер, то во втором она будет выступать диахронно. Однако в обоих случаях речь идет не только о трансляции вербальной (нормативной) информации о прошлом, но и о функциональном ее воспроизводстве в коммеморативных практиках.

Государство при этом выступает в качестве легитимного представителя общества. Именно демократическое государство является гарантом единства прав и свобод всех граждан страны, независимо от их этнического происхождения, пола, возраста, вероисповедания, защиты их от любых форм дискриминации и преступности, безопасности и реального участия граждан в формировании органов власти всех уровней.

Средствами исторической политики государство обеспечивает не только политическую, юридическую и социокультурную преемственность современного общества с предыдущими поколениями, конструируя

темпоральность развития социума в пространственных пределах, но и его культурную безопасность. Поэтому совершенно обоснованно в Стратегии национальной безопасности РФ³ защита исторической памяти обозначена в качестве одного из стратегических национальных приоритетов (п. 8 ст. 26).

В конструировании государством конституционной идентичности мнемоническими средствами можно выделить два направления: прославление героического прошлого как аксиологического фундамента единения гражданской нации и ее правопреимства с предшествующими социумами и государственными образованиями, существовавшими на данной территории исторически; покаяние за действия в прошлом, которые причинили ущерб отдельным лицам, этносам и (или) социумам, с целью использования идеи «инклюзивного мнемонического сообщества» для конструирования толерантного поликультурного социума⁴. Если для первого направления мемориальная культура и историческая политика носят антагонистический характер (при этом речь идет не просто о виктимизации прошлого, но и об установлении ответственности для виновных лиц), то для второго они выступают взаимодополняющими явлениями, в равной степени эксплицированными в коммеморативных практиках.

Второе направление господствовало в России в 1990-е годы и было связано с преодолением советского наследия даже в ущерб национальным интересам. Речь идет не только о приостановлении деятельности Коммунистической партии⁵, но и о признании, например, событий в Катыни как преступления, совершенного НКВД⁶. Ярким примером коммеморативных практик первого направления, распространившегося в России с середины 2000-х годов, может служить акция «Бессмертный полк», которая зародилась как общественное движение, но, получив государственную поддержку, трансформировалась в часть государственных церемоний, посвященных победе в Великой Отечественной войне⁷.

Таким образом, конституционная идентичность является дискурсивным конструктом, который формируется в процессе социальной коммуникации. Значительная роль в конструировании и репрезентации конституционной идентичности отводится мнемоническому дискурсу как текстовому пространству памяти. Государство как легитимный представитель общества в определенном пространственно-временном континууме, выступая в качестве адресанта вертикальной

³ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (Ч. 2). Ст. 5351.

⁴ См.: *Asavei M.-A. Towards Inclusive Mnemonic Communities: Re-Visiting Violent Past through the Lens of Artistic Memory in Eastern Europe* // Acta Musei Napocensis. Historica. 2021. Vol. 58. P. 343–347.

⁵ Указ Президента РСФСР от 23 августа 1991 года № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 29 авг. № 35. Ст. 1149.

⁶ См. например: *Лебедева Н. С.* Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война. 1939–1945 / ред. Ю. Н. Афанасьев. М.: Изд-во РГГУ, 1996. С. 237–295.

⁷ *Швец М. Е.* Праздник Победы в контексте культурной памяти народа // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13, № 9А. С. 108–122.

¹ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое лит. обозрение, 2014.

² *Греčko П. К.* Идентичность — постмодернистская перспектива // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 171–190.

коммуникации, определяет перечень имен, дат и событий, составляющих след прошлого, фреймированный в мемориальном законодательстве и коммеморативных практиках. Этот «след прошлого», с одной стороны, эксплицирует конвенциональный результат горизонтальной правовой коммуникации, а с другой — опре-

деляет интенцию правовой социализации как формы вертикальной коммуникации и артикулирует правовые и нравственные ценности и нормы, признание и воспроизводство которых составляют аксиологический и онтологический аспект конституционной идентификации гражданина.